

Т.А. Мирвода

ДЕТСКИЙ СТРАШНЫЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ МНОГООБРАЗИИ ТРАДИЦИИ

Обосновывается необходимость рассмотрения детских страшных историй как самодостаточной и многожанровой области детского фольклора в виду очевидной неоднородности произведений, причисляемых исследователями и самой средой к данной традиции. На основании накопленной по данному вопросу теоретической базы и собственных наблюдений за живой традицией, автор статьи предлагает универсальную систему жанров и жанровых разновидностей детского страшного повествовательного фольклора, охватывающую его наиболее известные и распространенные явления.

Ключевые слова: детский фольклор; детский страшный повествовательный фольклор; детские страшные истории; страшилка; пугалка; антистрашилка; антипугалка; детские былички; истории о вызываниях, современный фольклор.

Не секрет, что среди современных детей, подростков и молодежи (впрочем, вероятно, как и среди более старших поколений) заметным спросом пользуются истории о страшном, мистическом, пугающем, необычном и / или удивительном. Причем существенный пласт среди всего многообразия «страшных» текстов, даже в эпоху перемещения фольклора в цифровое пространство, занимают нарративы, большинством исследователей обозначаемые как «детские страшные истории».

Обыкновенно под данным термином понимаются истории, повествующие о красной руке, черной простыне, Пиковой даме и т.п., а также связанные с ними некоторыми персонажами и ситуацией исполнения рассказы о вызываниях, былички, пугалки и тексты пародического характера (антистрашилки, антипугалки и т.п.), впервые обратившие на себя внимание советских ученых (в частности, О.Н. Гречиной) в 1960-е гг. [1. С. 85; 2. С. 348].

Благодаря внушительному уже к настоящему времени количеству работ по детским страшным историям и разрабатываемым в них исследовательским направлениям, в научном сознании постепенно закрепились картина практически полной изученности данной области народного творчества.

Действительно, уже собрано множество текстов, подробно описаны механизмы возникновения и обстановка рассказывания страшных историй [3, 4], а также поэтика даже их самых нерегулярных вариантов [1], выявлены и проанализированы явные и неявные мифологические и культурные архетипы ведущих мотивов страшных историй, охарактеризованы наиболее популярные сюжеты, предпринята попытка их систематизации и типологизации [1, 4–9] рассмотрены особенности некоторых локальных традиций детского страшного повествования [10–15]. Кроме того, литературоведы активно изучают аспекты взаимодействия современной литературы и страшных историй [16–27]; лингвисты на их материале разрабатывают методики преподавания русского языка как иностранного [28, 29]; особенности восприятия страшилок рассматриваются в психолингвистике [30]; дошкольные педагоги периодически обращаются к материалам детского страшного повествовательного фольклора при обучении родному языку и литературе [31]; психологи регулярно используют фольклорные тексты для определения и описания детских страхов и т.п.

Однако исследователи из упомянутых сфер не всегда оказываются последовательны в обращении и с самим фольклорным материалом, и с уже имеющимися по нему научными наработками, выполненными их предшественниками. В подавляющем числе трудов по детским страшным историям усматривается один общий момент: вся традиция по умолчанию отождествляется с одним жанром – страшилкой, причем границы этого жанра остаются неясны, поскольку автор, в рамках своей научной работы, свободно переключается между описанием / анализом традиции в целом и описанием / анализом жанра страшилки. При том, что поэтическая и функциональная неоднородность нарративов, относящихся к традиции детского страшного повествования, отмечается многими исследователями. Правда, в основном бессознательно, если судить по наиболее распространенным классификациям, смешивающим в своей системе разноуровневые критерии разграничения материала (смотри классификации Г.И. Мамонтовой [32. С. 78], Т.В. Зуевой [33. С. 147–148], М.П. Чередниковой [1. С. 92–204], А.С. Мутиной [11] и др.).

Имеет место и другая крайность – при том же подходе к детским страшным историям (как к полиформатному жанру народного творчества), вкупе с ними нередко рассматриваются вызывания (что может быть уместно только при самом широком их понимании)¹ и игры соответствующей тематики («Комната страха», «Панночка помэрла» и т.п.)², в том числе и некоторые словесные, а также – садистские стишки³.

Кроме того, наряду с произведениями устного детского творчества, в качестве оных, без соответствующих помет часто привлекаются и произведения фольклора взрослого, а также – сетевой словесности⁴.

Подобное положение дел свидетельствует об отсутствии в науке четкого понимания содержимого и охвата традиции детского страшного повествования, для именованной которой по умолчанию принят термин «детские страшные истории», сам по себе имеющих довольно расплывчатые очертания, так как им обозначают и конкретный жанр, и традицию в целом, а также вполне возможно обозначить и любые иные нарративы, прямо или косвенно провоцирующие переживание страха и бытующие среди детей и подростков.

Явные намеки на необходимость выделения в традиции детского страшного повествования не только

страшилки, но и других жанров, а также попытки их определения, анализа и выстраивания в систему, присутствуют в трудах М.П. Чередниковой [1], С.М. Лойтер [5, 6] и В.А. Шевцова [7–9].

Однако работа в этом направлении ими так и не была продолжена. К сожалению, поскольку наличие к настоящему времени базы данных детских страшных историй, внутри которой, в соответствии с известными жанровыми образованиями, мог бы быть выстроен весь имеющийся полевой материал, существенно бы облегчило жизнь исследователям сетевой словесности в целом и страшного сетевого фольклора в частности, изучение которых представляется весьма актуальным и перспективным направлением современной филологии, поскольку произведения народного творчества, формирующие указанные области, в основном являют собой не разрозненные и новаторские образования, а огромный хитросплетенный клубок из давно известных фольклористам форм народного творчества, умело приспособившихся к жизни в сетевой реальности.

Кроме того, как было вскользь упомянуто ранее, функциональная (напугать, развлечь, рассмешить и т.д.) и поэтическая (свои образы, структура, художественные приемы и т.п.) неоднородность детских страшных историй, обусловленная различным генезисом обозначаемых этим термином нарративов (переняты от взрослых, сформированы путем синтеза готовых произведений и форм фольклорного и / или литературного и кинематографического происхождения, являются продуктами собственно детского творчества; произошли от заговоров / сказок / бывальщин и / или других детских страшных историй; возникли в разные временные периоды и т.п.), а также знания, накопленные по данной области, не позволяют продолжать рассматривать все относящиеся к ним образования как вариации одного жанра.

Вышеназванные факторы подвели нас к необходимости предложить собственную систему жанров и жанровых разновидностей детского страшного повествования, традицию которого мы считаем более корректным обозначать как «детский страшный повествовательный фольклор»⁵ (в виду позиционирования ее как самостоятельной области детского фольклора⁶, необходимой нам для отграничения в общей массе детского творчества произведений, связанных с переживанием страха, а также их производных – пародических нарративов, сохранивших формальные атрибуты оригинальных текстов и устрашающую завязку, но обзаведшихся дискредитирующей нагнетаемый ужас развязкой).

На данном этапе выглядит она следующим образом.

Область: Детский страшный повествовательный фольклор (ДСПФ).

Жанр: Страшилка (страшная история, страшный рассказ, страшный анекдот, страшные сказки, сказки-страшилки⁷ // пионерские / лагерные / советские / постсоветские страшилки, несерьезные истории⁸).

Страшилка является наиболее известным и, как следствие, наиболее изученным жанром среди детских страшных историй в целом. Это также и самый распространенный в живой среде жанр ДСПФ, что

объясняет наличие у него некоторого количества жанровых модификаций. Возник в городской среде, в известном нам виде, вероятнее всего, окончательно сформировался в послевоенные годы. Исследователями впервые был зафиксирован в 1960-е гг. Сейчас обнаруживается не только в городе, но и в сельской местности среди детей 9–13 лет. В настоящее время гораздо активнее, чем в устном бытовании, проявляет себя в интернете.

Жанровые разновидности страшилки:

«Классические» страшилки (обыкновенно строятся по сюжетному типу, в котором один мальчик / одна девочка нарушает данный взрослым запрет, чем сразу привлекает внимание «вредителя», уничтожающего, в итоге, всю семью героя и, нередко, его самого; при этом ничем не мотивированы поступки ни детей, ни взрослых, ни вредителей; начавшиеся злоключения можно остановить только уничтожением одной из сторон):

Мама уходила на работу и сказала мальчику не слушать черную пластинку. Мама ушла. Мальчик достал эту пластинку и поставил ее. Вдруг слышит, голос с этой пластинки говорит: «Бегут, бегут по стенке зеленые глаза, сейчас задушат мальчика они, да-да!» Мальчик испугался и выключил пластинку. Когда мама вернулась с работы, то оказалось, что у нее нет руки. На следующий день мальчик снова поставил пластинку. Пластинка снова заиграла: «Бегут, бегут...» Мама вернулась с работы без второй руки. На следующий день мальчик снова слушал пластинку, а голос повторял: «Бегут, бегут...» Мама вернулась с работы без ноги. На следующий день все повторилось, и она пришла без второй ноги. А на следующий день не вернулась вообще. Мальчик снова поставил пластинку и услышал: «Бегут, бегут...»

Вдруг в дверь раздался звонок. Мальчик глянул в глазок и увидел, что на него смотрят зеленые глаза. Он посмотрел на них и умер. Когда мальчика в морге обследовал доктор, то он заглянул мальчику в глаза и тоже умер⁹.

Страшилки-пугалки (истории, сложившиеся в результате контаминации жанров страшилки и пугалки, т.е. сочетающие в себе повествование-зачин (обыкновенно не отличающееся от повествования «классической» страшилки) и ошарашивающую слушателей резкую развязку):

У одной девочки умерла мама. Когда она умирала, то оставила девочке большую шкатулку с украшениями. Девочка все эти украшения раздарила, и у нее ничего не осталось. Тогда она вспомнила, что у матери на пальце было золотое кольцо. Она пошла ночью на кладбище, разрыла могилу и открыла гроб. Но кольцо никак не снималось. Тогда девочка вместе с этим кольцом отрезала и сам палец. Потом это кольцо стала носить. На следующую ночь кто-то позвонил ей в дверь. Она открыла и увидела свою мать. Девочка спросила: «Что тебе нужно?» – «ОТДАЙ МОЙ ПАЛЕЦ!»¹⁰.

Кроме того, встречаются тексты, явно отсылающие нас к жанру волшебной сказки – помимо зачина «жили-были» и сквозного троекратного повторения, характерных и для сказок, и для многих страшилок, в

данном типе текстов также наличествуют сказочные мотивы разрубания, отсечения частей тела, чудесного исцеления, волшебства, оборотничества, погони и т.п. Однако главным отличительным признаком является счастливый финал истории, в котором не только оказывается спасенным главный герой, но и воскресают члены его семьи, что, по определению, невозможно для страшилок классического типа. Условно данную разновидность можно было бы обозначить как «*страшилка-сказка*», но подобное явление не отличается регулярностью, поэтому как строгую категорию мы его пока тоже не выделяем:

В одной семье были старые карты, в них была добрая пиковая дама. Они купили новые карты, там была злая пиковая дама. Вот легли они спать, утром просыпается дочка и мама, а отца нету, только записка на его кровати: «Ваш отец на кладбище». Поплакали дочка с матерью, отнесли цветы на могилу. Вечером они вдвоем спать легли. Утром просыпается дочка, а матери и нету. И опять такая же записка лежит. Долго плакала и думала девочка, кто это может делать? Спит она ночью, вдруг что-то зашевелилось, испугалась девочка, встала с постели. Входит тут в комнату Пиковая дама, стукнула она девочку по спине, и вырос у нее горб, а лицом красивая девочка была. Сделала Пиковая дама это и растворилась в воздухе. Утром пришла девочка на могилу отца, а там записка: «Приходи сегодня ночью к моей могиле, не пожалеешь!» Прочитала девочка, и как ни страшно было ей, а решила она на кладбище пойти. Вот, только час ночи пробило, пошла девочка к могиле отца. Пришла она. Из могилы отцовский голос доносится: «Дочь моя милая, возьми эту мазь, коли сегодня ничего с тобой не случится, приди домой, топором отруби себе горб и этой мазью спину намажь, и будешь ты тогда, как и была, красивая и умная». Взяла девочка мазь и пошла домой. Но только она шаг ступила, как открылась ближайшая могила и оттуда вышла Пиковая дама. Погналась за девочкой она, долго она за ней гналась, да догнать не успела. Вбежала девочка в дом, схватила нож со стола и пронзила им Пиковую даму. Сделала, как ей отец сказал, и легла спать. Утром проснулась, а мать с отцом живые и здоровые. Они еще долго жили»¹¹.

Некоторые исследователи также выделяют *страшилки-были* [15. С. 139; 35. С. 43] и *детские слухи-толки* [1. С. 174]. Но мы не разделяем данную точку зрения, так как приводимые названными исследователями критерии не кажутся достаточными основаниями для выделения подобных текстов в отдельные группы.

Главный принцип выявления страшилок-былей – это явная установка на достоверность, содержащаяся, по мнению выделяющих их специалистов, в зачинающих фразах типа «с одной девочкой было дело». Но, по сути, все страшилки, вне зависимости от наличия или отсутствия подобного зачина, априори подразумевают установку на достоверность, иначе бы они просто не оказывали ожидаемого эффекта. Тем более что многие дети, вне зависимости от роли (слушатели или рассказчики), на определенном этапе знакомства

со страшными историями верят в их реальность. Другими же отличительными приметамы страшилки-были не обладают.

Что же касается детских слухов-толков – по приводимым М.П. Чередниковой примерам можно объяснить их выделение на общем фоне лишь наличием в их тексте «городских» образов злодеев: бандитов, продавцов, мясников и т.п., т.е. не относящихся к членам семьи взрослых.

Открытым также остается вопрос, выделять ли как самостоятельный жанр детские былички. Сейчас мы и сами не готовы дать на него однозначный ответ, так как материал, определяемый исследователями [13, 15, 35–37] подобным образом, очень и очень не однороден – и по содержанию, и по структуре, в связи с чем можно высказаться как за, так и против подобной атрибуции. Поэтому на данном этапе мы решили обозначить и отдельный жанр – детские былички, и жанровую разновидность – страшилки-былички.

Предлагаем определять и различать их следующим образом.

Страшилки-былички – это страшилки, в которых от былички перенято именование вредителя и / или локус, но логика изложения при этом как в обычной страшилке. Нередко в качестве главных героев в них действуют взрослые. Злодеи же в данном типе историй с персонажами традиционных быличек имеют только общие родовые названия (ведьмы, покойники, вампиры и т.д.). При этом они утратили главные отличительные черты и способности, став безликими, как герои и вредители «классических» страшилок, и легко обменивающимися друг с другом функциями (например, кровь могут высасывать и ведьмы, и покойники, и вампиры). Обыкновенно от этих злодеев вообще невозможно никак спастись:

Бабушка-ведьма

Девчонка одна приехала в деревню к своей бабушке. Бабушка ей вечером говорит: «Не ходи в хлев к свинье». А девчонка не послушалась и пошла в хлев к свинье. Свинья бросилась на девчонку, но она ей палкой ногу перешибла и убежала. А утром она просыпается и видит: у ее бабушки нога забинтована. Она ее спрашивает: «Бабушка, а что у тебя с ногой?». А та ей: «С печки упала». Девчонка вечером опять пошла в хлев. Свинья на нее набросилась, а она ее снова палкой. Утром встает, а у ее бабушки вторая нога забинтована. Девчонка опять вечером в хлев пошла. Опять на нее свинья набросилась. Девчонка в нее камнем кинула и убежала. А ночью к ней подходит бабушка, вся зеленая, и задушила ее»¹².

Один шофер возвращался из рейса, проезжал мимо кладбища. Вдруг он случайно заметил свет на одной из могил. Он решил подъехать поближе. Вот что он увидел: мертвецы, вурдалаки, упыри сидели на могиле и разжигали костер. Затем они стали кричать, другие плясать вокруг костра. Шофер хотел было уехать, но мертвецы его заметили и бросились к машине. Они вытащили шофера из машины и стали раздирать на части. На утро милиция обнаружила труп, валявшийся недалеко от могилы»¹³.

Жанр: Детская быличка – повествование, опознаваемое по следующим характерным признакам: 1) наличие образов мистических существ, явно заимствованных из взрослых мифологических рассказов и необязательно причиняющих вред человеку; 2) перенятые персонажи (в отличие от большинства вредителей «классических» страшилок) в качестве особых примет могут иметь не только заданный цветовой эпитет, относящийся к какой-либо из частей тела, но и наделяться как бы по ходу действия подмечаемыми главным героем атрибутами – копытами, рогами, меняющейся одеждой, отрубленными или травмированными частями тела и т.п.; 3) главными героями выступают исключительно взрослые (включая молодежь и стариков); 4) события обычно разворачиваются в сельской местности, а не в городе; 5) происходящее затрагивает не одну семью, а несколько, часто даже все поселение; 6) от сил зла можно спастись, в том числе традиционными для быличек способами – узнаванием, молитвой, крестным знаменем, задабриванием, обращением к знающим и т.п.; 7) наличие мотивов, не характерных для детского сознания – умершая мать приходит кормить грудью ребенка, человек встречает на дороге призрака, предвещающего катаклизм, парень или девушка заводят отношения с покойным, мертвый муж возвращается к тоскующей жене и т.п.:

Белое платье

У одного мужика умерла жена. И вот он пошел в ресторан. И увидел женщину в белом платье, очень похожую на его жену. Он сел за ней за столик. И во время разговора случайно пролил красное вино ей на платье, и осталось пятно. А потом случайно уронил вилку, полез доставать и увидел, что у ней под платьем копыта. Но ей ничего не сказал.

А на следующий день он пошел на кладбище и позвал своих друзей. Они пришли, раскопали могилу, а там лежит его жена в белом платье, а на нем красное пятно, а из-под платья торчат копыта вместо ног. И тогда они все сожгли, а из могилы доносились стоны¹⁴.

Предложенное разграничение страшилок-быличек и детских быличек весьма условно и нуждается в дальнейшей методологической проработке, так как множество текстов располагаются на их пересечении.

А вот отличить детскую быличку от классической страшилки уже гораздо проще. По мнению М.П. Чередниковой [1. С. 145], главное их различие заключается в мотивировках появления потусторонней силы перед живым человеком. В первых оно связано с «физическим» нарушением табуированного традицией поведения, во вторых – с психологической реакцией на новый предмет из «чужого» мира, поскольку ни сам запрет, ни его нарушение в страшилках не имеют четкой сюжетной мотивировки.

В отличие от страшилок, являющихся самобытным оригинальным творчеством городских детей, детские былички изначально возникли в сельской среде на базе столкновения традиционных мифологических представлений, усвоенных детьми от взрослых, со страшными историями городских детей. К

настоящему моменту детские былички также более распространены в интернете, нежели в устной форме.

Жанр: Антистрашилка (антистрашилка, пародии на страшные истории / рассказы, страшный анекдот // страшилки-смешилки, смешные страшилки).

Предположительно возникли в 70-е гг. XX в. Их можно считать одновременно и реакцией на ужасы страшилок, и следующей ступенью эволюции данного жанра. Но поскольку страшилки и антистрашилки сосуществуют параллельно, и каждый из этих жанров уже имеет собственные разновидности, нам представляется более адекватным рассматривать их как самостоятельные по отношению друг к другу формы, хотя и близкородственные. Кроме того, при более тщательном рассмотрении, можем увидеть, что набор вредителей в страшилках и антистрашилках существенно различается: в противовес пятну, руке, шторам и т.п. мы обнаруживаем котенка, чертика, играющего в машинки, Карлсона и т.д. В 90-е гг. данный жанр по популярности даже превосходил страшилки, однако сейчас, в интернете, они уравнили свои позиции.

Жанровые разновидности антистрашилки:

Антистрашилки-страшилки (повествования, использующие жанровую оболочку страшилки; в них герои калечатся или погибают по мистической, но абсурдной причине):

«Рука схватила за шею маму...»

Жила одна семья. И вот однажды в их квартире стала появляться из стены рука. Сначала эта рука схватила за шею маму и втащила в стену. Мама больше не вернулась. Потом рука задушила и затащила в стену папу, бабушку и маленького мальчика. Тогда решили все-таки узнать, что же произошло. Стали ломать дом. Оказалось, что у этой квартиры была двойная стена. Когда сломали эту стену, то увидели, что там сидит маленький чертик и играет в машинки – скорости переключает¹⁵.

Собственно антистрашилки (используют жанровую форму или завязку страшной истории, но никто не погибает (за исключением персонажей, умерших до начала непонятных происшествий); комическая завязка):

Происшествие в купе № 666

В один поезд, в одно купе продали два билета. Проводница говорит: «Не переживайте, у нас есть свободное купе № 666. Правда, в нем никто и никогда не ездит – боятся.» «Ну ладно, – говорит одна семья, – мы не испугаемся.» Поселились они в этом купе. Спят ночью, только дочери их не спится. Чудится ей какой-то шорох в купе. Вдруг она увидела, что в купе въехал черный гроб. Испугалась девочка и закричала, но никто не проснулся. Тогда она топором стукнула по гробу. Из гроба на коленях вылез чертенок и заревел: «Зачем ты мою последнюю “дребезику” сломала?! Мне мама больше не купит»¹⁶.

Одному человеку надо было идти на работу в ночную смену. А дорога шла через кладбище. Он очень боялся. И когда увидел человека, очень обрадовался. Подошел к нему и попросил: «Послушайте, я очень боюсь идти через кладбище, покойничков боюсь очень. Проводите меня». – «Пожалуйста, проведу, – сказал он, – только чего нас бояться, мы народ смирный»¹⁷.

Реалистические антистрашилки (в них также повторяется зачин страшилки, но всем происходящим «ужасам» находится бытовое объяснение; герои могут умереть от страха, но чаще всего остаются невредимы):

Новая квартира

Одна семья получила новую квартиру. Они переехали и в одной из комнат начали справлять новоселье. Вдруг в соседней комнате послышалось: «Кап ... кап ... кап ... кап». Папа пошел посмотреть, что там случилось, но не вернулся. Тогда пошел туда старший сын и тоже не вернулся. Затем пошла туда мама, но и она не вернулась. А из соседней комнаты так и слышалось: «Кап ... кап... кап...». Тогда младший сын побежал в милицию и привел с собой целый отряд. Ворвались они в комнату, а там стоят папа, мама и старший брат и пытаются закрыть кран»¹⁸.

По мнению Е.А. Костюхина [39. С. 164], данные произведения не стоит рассматривать просто как пародии на страшилки. Это альтернативные тексты, поскольку главной их целью является не высмеивание устоявшейся жанровой формы или паразитирование на ней (что характерно для пародических произведений), а реализация еще одного метода борьбы со страхом – не только посредством его проживания в безопасной обстановке (как это происходит благодаря страшилкам), но еще и за счет его высмеивания.

Жанр: Пугалка (паранарративы, страшилки эффекта // кричащие страшилки).

Не самый распространенный жанр в русском ДСПФ. Однако, судя по специфической форме изложения и наличию в детском фольклоре зарубежных стран нарративов, аналогичных по структуре и исполнению нашим пугалкам (но гораздо более вариативных по содержанию), можно предположить, что это самый древний по происхождению жанр в русском ДСПФ и, не исключено, заимствованный – скорее всего, из европейского фольклора. Правда, на данном этапе изученности данной формы, сложно даже примерно сказать, в какие годы она возникла в мировом фольклоре вообще и когда была перенята – очевидно только, что это произошло раньше XX в. В настоящее время также встречается в интернете, но гораздо реже других жанров ДСПФ.

Жанровые разновидности пугалки:

Пугалки – кумулятивные монотонные повествования, обыкновенно начинающиеся со слов «В черном-черном...» и резко обрывающиеся оглушительным и неожиданным возгласом рассказчика типа «Отдай мое сердце (палец / и т.п.!)», а также попыткой схватить / уцепиться / защекотать ближайшего слушателя:

Ты заходишь в черный, черный лес. Идешь по черной, черной дороге, подходишь к черной, черной избушке, открываешь черную, черную дверь. Заходишь в черную, черную комнату, в комнате стоит черный, черный стол. На столе стоит черный, черный гроб. Из этого гроба встает черный, черный человек... Он протягивает к тебе руки – «Отдай мое сердце!»...»¹⁹.

Страшилки-пугалки (в данном случае эквивалентны страшилкам-пугалкам как жанровой разно-

видности страшилок. Приводятся нами и там, и там по причине равноправия наличествующих в данном типе историй элементов пугалки (внезапная вокативная и, предполагается, акционная развязка) и страшилки (повествование в духе «классической» страшилки до самого финала, вместо кумулятивного повествования пугалки).

Антипугалки, «странные» и «страшные» фабулаты и истории о вызываниях относятся к наименее регулярным из названных жанровых форм и практически не исследованы, поэтому на данном этапе мы не можем установить для них наличие или отсутствие жанровых разновидностей.

Жанр: Антипугалка – пугалка с ошарашивающей комической развязкой:

Черный автомобиль

В черном, черном городе, черной, черной ночью ехал черный, черный автомобиль. Этот черный, черный автомобиль выехал из черного, черного города. Черный, черный автомобиль ехал по черной, черной дороге и подъехал к черному, черному лесу. Из черного, черного автомобиля вышли два черных, черных человека. Они подошли к черному, черному дереву, и один черный, черный человек говорит другому черному, черному человеку: «Шеф, писать будем здесь?»²⁰.

Довольно редкий жанр, как в устной, так и в интернет-среде. Возник на основе пугалок, способом, аналогичным механизму образования антистрашилок. Также не является пародией на пугалку, а служит еще одной формой преодоления детских страхов посредством смеха.

Жанр: «Странные» и «страшные» фабулаты²¹ – представляют из себя «незаконченные» страшные истории, обладают всеми или некоторыми из следующих признаков: логическая последовательность изложения нарушена или отсутствует, с трудом устанавливаются причинно-следственные связи; повествование не имеет завязки / развязки; разворачиваются нетипичные для других жанров ситуации и действуют нетипичные персонажи. По структуре напоминают страшилки, но по содержанию ближе к быличкам или слухам:

Пятиэтажная собака

Одна девочка просидела у подружки до 12 ночи, потом пошла домой. Одной ей было страшно – вот подружка и дала ей щенка. Им нужно было идти через кладбище и они пошли, а за ними пятиэтажная собака. Девочка подумала: «Может быть, пуцу я на нее своего щенка – драться». Но не пустила, а побежала быстрее. Но собака оказалась впереди них. Тогда она побежала быстрее и увидела свой дом, забежала во двор, и только дошла до крыльца, как собака влезла к ним во двор и показала человеческие зубы. А это была колдунья»²².

Одна тетенька заснула. А ее схоронили. Одна девочка говорит мальчишке: «Ты пойдешь в двенадцать часов ночи на кладбище?» – «Пойду».

Он надел белую рубашку, и они пошли на кладбище. А та тетенька как заорала! Они напугались – и к

сторожу. И они на другой день вырыли ее. У ней был маленький ребенок: мертвый и волосы выдраны²³.

Данные нарративы также не отличаются популярностью и больше напоминают слабо регулируемый поток сознания маленького ребенка, с трудом вычленимый в живой речи, отчего, вероятно, многие собиратели не заостряют на них свое внимание. По той же причине – невнятности и нечленораздельности – они не пользуются популярностью и в Сети.

Жанр: Истории о вызываниях – довольно популярный в интернете жанр страшных историй, который часто распространяется вместе с инструкциями для вызова духов или описаниями соответствующих обрядов:

Однажды, когда девочки вызвали Пиковую даму, одна из них забыла убрать волосы под косынку. Когда наступила полночь, все девочки увидели разное: кто квадратики, кто человечков, а девочка, забывшая убрать волосы, увидела черные костлявые руки, которые тянулись к ней из глубины зеркала. Когда руки подошли к поверхности зеркала, на стене сверкнула молния. На следующий день девочку нашли мертвой.

Эта история абсолютно правдива²⁴.

Однажды мальчик вызвал Пиковую даму. И вдруг из-под кровати высунулись черные руки с когтями. Мальчик выбежал из квартиры, а руки – за ним, подбежал к остановке, а руки – за ним. Из автобуса выходила старушка, мальчик подбежал и спрятался за ней. Руки вцепились ей в горло и задушили²⁵.

Один мальчик вызывал Пиковую даму. Нарисовал на зеркале семь ступеней. И она так: «Тук-тук-тук», – по ступеням. И она к нему пришла и перерезала горло. Щитовидку отрезала²⁶.

Истории о вызываниях не то же самое, что страшилки, в которых действуют персонажи вызываний. Истории о вызываниях по форме тяготеют к меморатам и фабулатам, но, в отличие от выделенных нами отдельно «странных» и «страшных» фабулатов, представляют описываемые события как случившееся на самом деле. При этом они довольно логично структурированы и посвящены одной теме (вызову духов и взаимодействию с ними, а также последствиям этого). Кроме того, в них отсутствуют типичные для страшилок повторы сюжетных блоков и исходящие от взрослых запреты.

Жанр собственно вызываний, состоящий из двух компонентов – инструкции по вызыванию и самого обряда вызывания, – мы относим к области детского обрядового фольклора. Поскольку, в отличие от жанров ДСПФ, в них содержится установка на совершение определенных ритуальных действий. Кроме того, инструкция к вызыванию это бессюжетный текст, без подразумеваемого обрядового компонента не являющийся самодостаточным фольклорным жанром. Также у вызываний принципиально иные ведущие функции и направленность – совершить ряд действий с целью: встречи с потусторонним, гадания, исполнения желания и т.п. Причем далеко не всегда предполагается, что эта встреча, в случае несоблюдения соответствующих мер предосторожности, должна закончиться бойней. Тогда как произведения ДСПФ это, прежде

всего, повествования о «самых кошмарных ужасах», преследующие цель пережить и изжить чувство страха.

По той же причине (различия в основной функционально-семантической направленности) мы не относим к ДСПФ садистские стишки (смеховой фольклор) и упомянутые игры (игровой фольклор). Конечно, игровое начало присутствует и в пугалках, однако реализует оно себя лишь посредством внезапного акционного снятия нагнетаемого кумулятивным повествованием ужаса. В то же время антистрашилки и антипугалки можно было бы причислить к смеховому фольклору, поскольку они оборачивают страшную завязку комической развязкой, однако смех в данном случае, как мы уже отметили ранее, является не целью, а лишь средством преодоления наиболее распространенных в повествовательной форме детских страхов. Как высказался Е.А. Костюхин, «...не в том дело, что мифологическое мировосприятие в определенном возрасте дает трещину и подвергается критике: здесь изначально комическое следует за серьезным (как, впрочем, в любой мифологии) <...> содружество таких текстов – в духе традиционной культуры» [38. С. 164–165].

Подытоживая, можно сказать, что основными критериями разграничения жанров ДСПФ являются различия в их генезисе (подробнее см. выше) и осуществляемых психоэмоциональных функциях – напугать (страшилки, пугалки), напугать, а потом рассмешить (пугалки, антистрашилки, антипугалки), поделиться сведениями о враждебном окружающем мире или пережитом мистическом опыте (былички, истории о вызываниях, «странные» и «страшные» фабулаты) и т.п.

Однако суждения о генезисе пока носят, по большей части, гипотетический характер (поскольку мы не располагаем точными задокументированными свидетельствами собирателей о времени возникновения тех или иных образований и можем полагаться лишь на воспоминания взрослых информантов, а также не имеем достаточного представления об аналогичной традиции за рубежом), ведущие же функции разножанровых образований, в зависимости от восприятия индивидов, могут пересекаться. Поэтому в дополнение к названным принципам жанрового деления используются поэтические (разница в сюжетах, персонажах, композиции, художественных приемы и т.п.) и социологические (наиболее типичный возраст, гендер и среда (сельская или городская) рассказчиков) критерии, а также учитывается география их распространения.

Предложенная система может быть использована и при работе с текстами ДСПФ, размещенными в Сети. Однако здесь стоит быть предельно внимательными, так как наряду с произведениями, соответствующими обозначенным нами жанрам устной традиции, в интернете в обилии представлены пародии на них (в частности на страшилки и антистрашилки)²⁷, а также растиражированные и обзаведшиеся собственными вариантами тексты страшных историй из печатных сборников детских писателей (т.е. когда-то прошедшие редакторскую правку) и выполненные в их стилистике авторские произведения.

Обширен и пласт новых текстов, созданных по жанровым моделям ДСПФ и размещенных в интернете, в том числе самими детьми. Не исключено, что создавались они специально для выкладки в Сеть. Однако лишь на этом основании считать их интернет-фольклором было бы неправомерным. Как и наспех говорить о новой жанровой разновидности – интернет-страшилке, – так как данное поле еще только предстоит освоить. Пока же у нас нет ни методики собирания и систематизации подобных текстов, ни сформированного представления о масштабах их распространения в Сети и их корреляции с произведениями аналогичной устной традиции.

Хотя на основании следующего примера интернет-страшилки.

Не смотри этот канал!

Девочка Аля мечтала подписаться на канал «Смерть с косой». Но она могла смотреть только видео. Аля долго упрашивала мать с отцом, чтобы создали ей канал. А родители ее были добрые и решили создать ей канал. Аля стала популярной, но свой любимый канал она не находила. Потом ей пришло сообщение от незнакомца. «Девочка-девочка, набери в интернете “Я и мертвая старуха”. Она набрала – и ее компьютер выключился! Она пошла в материнский и сделала все заново. Она нашла видео, посмотрела его и упала в обморок.

Она очнулась в больнице. Ничего не помня про видео, Аля нашла свой телефон и набрала в ютьюбе «Смерть с косой канал». Началась загрузка, и экран стал черно-белым.

– Очень смешно. Сейчас напишут про идентификатор...

Наивная, не было там такой надписи. Там было... «Извините, но этот канал заблокирован из-за количества умерших».

Девочка ощутила комок в животе, сотрясение мозга, Аля подумала, что отключается! Тут в палату вошла старуха. Але показалось, что она тот парень с

канала, которого убила старуха. Бабушка посмотрела на Алю, и она увидела, что та старушка – мертва. Девочка ощутила предсмертные боли, как при пытке. Тут из старухи полезли червяки, и Аля умерла. Никогда не смотри видео от канала «Смерть с косой»!

P.S. Чтобы вы не писали, как Аля посмотрела видео, если парень умер, то видео выложила та мертвая старуха, убитая во время Великой Отечественной»²⁸.

Мы уже можем отметить, что, помимо новой среды и способа бытования, а также изменившихся предметных реалий (интернет, ютьюб-канал, телефон, загрузка, видео и т.п.), в качестве принципиальных особенностей по отношению к другим типам страшилок явно выделяются: 1) добрые и потворствующие родители (а не строгие и запрещающие) и, как следствие, – 2) отсутствие зачинающего запрета; 3) демонстрация внутренней речи главного героя и личного отношения к нему со стороны автора. Также мы видим, что опубликованные в Сети страшилки могут быть снабжены авторским комментарием – либо убеждающим в достоверности истории, либо пресекающим предполагаемые автором возможные вопросы читателей.

Как можно убедиться на основании изложенной системы жанров и жанровых разновидностей детского страшного повествовательного фольклора, содержание, вкладываемое исследователями в понятие «детские страшные истории», гораздо обширнее и многообразнее, чем принято считать в науке, в связи с чем обходиться общими именованями и дальше рассматривать их совокупность как единое целое становится невозможным. Вопреки имеющемуся мнению о консервации данных жанров детского фольклора, они не уходят в небытие, а, постепенно (по мере перемещения досуга их носителей в интернет), переходят в новую среду обитания, где многократно тиражируются, обзаваются новыми вариантами, пародиями и сетевыми²⁹ двойниками, а также становятся поводом и / или материалом для возникновения современных страшных историй.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, [11–13, 34, 35].

² См., например, [11].

³ См., например, [1].

⁴ См., например, [28, 29].

⁵ В основу данного термина легло использованное В.А. Шевцовым в его работах [7, 8] и разработанном им разделе электронного фольклорного архива [9] обозначение «страшный детский повествовательный фольклор».

⁶ В ряду таких его функционально-семантических сегментов, как «игровой», «бытовой», «обрядовый» и «смеховой фольклор».

⁷ Здесь и далее в скобках до «//» приводятся обозначения характеризуемого жанра, первоначально и преимущественно задействованные в научной литературе.

⁸ В скобках после «//» приведены наиболее распространенные обозначения этого жанра среди интернет-пользователей, а именно: виртуальных «рассказчиков» (сочинителей, компиляторов и коллекционеров) и непрофессиональных «собираателей» (неравнодушных к страшному любителей искать первоисточники, модераторов соответствующих тематических площадок и всевозможных интернет-СМИ).

⁹ Зап. от А. Мироновой, 14 лет, г. Нижний Новгород. Соб. М. Акилова [9, колл. 63, ед. хр. 18, № 11, 1998 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sstrash.htm>, № 19.3].

¹⁰ Зап. от А. Мироновой, 14 лет, г. Нижний Новгород. Соб. М. Акилова [9, колл. 63, ед. хр. 18, № 3, 1998 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/spugal.htm>, № 104.6].

¹¹ Самозапись Луизы Гире, 11 лет, Санкт-Петербург, осень, 1981 г. [35. С. 44, № 22].

¹² Зап. от Г. Воробьевой, 12 лет, с. Ключищи Шатковского р-на. Соб. А. Якименко, Т. Балина [9, колл. 46, ед. хр. 2, № 68, 1983 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sbilich.htm>, № 130].

¹³ Зап. от О. Лысенко, 13 лет, г. Нижний Новгород. Соб. И. Здравейцева [9, колл. 48, ед. хр. 104, № 3, 1989 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sbilich.htm>, № 133].

¹⁴ Зап. от учащихся средней школы № 46, г. Ижевск. Соб. Е. Веретенникова, А. Корепанова, А. Мутина, Ю. Серебрякова [ФА УдГУ 1994 г. ДО, тетр. 2, № 189; 12. С. 293, № 956].

¹⁵ Зап. от Д. Шиббаева, 33 года, г. Нижний Новгород. Соб. М. Акилова [9, колл. 63, ед. хр. 18, № 16, 1998 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sants.htm>, № 89.1].

- ¹⁶Зап. от А. Орехова, 7 лет, г. Нижний Новгород. Соб. С. Орехова [9, колл. 60, ед. хр. 2, № 8к, 1992 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sants.htm>, № 100].
- ¹⁷Зап. от ученицы 5-го класса, г. Нижний Новгород. Соб. М. Агеева [9, колл. 48, ед. хр. 1, № 28, 1983 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sfabul.htm>, № 125].
- ¹⁸Зап. от Д. Москвичевой, 9 лет, г. Дзержинск. Соб. О. Спутницкая [9, колл. 48, ед. хр. 16, № 54, 1983 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sants.htm>, № 96.1].
- ¹⁹Зап. от А. Заботиной, 12 лет, г. Нижний Новгород. Соб. А. Цулукидзе [9, колл. 48, ед. хр. 56, № 19, 1984 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/spugal.htm>, № 103.1].
- ²⁰Зап. от школьников 11 лет, г. Нижний Новгород. Соб. В. Грехова [9, колл. 48, ед. хр. 5, № 56, 1982 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sanp.htm>, № 107.4].
- ²¹Обозначение В.А. Шевцова [9].
- ²²Зап. от Н. Кручининой, 11 лет, с. Красный Бор Шатковского р-на. Соб. Е. Слонова, И. Зубкова [9, колл. 46, ед. хр. 10, № 98, 1983 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sbilich.htm>, № 129].
- ²³Зап. от А. Комаровой, 10 лет, д. Тутариново Борского р-на. Соб. Е. Кашаева [9, колл. 39, ед. хр. 6, № 32, 1977 г.; URL: <http://www.unn.ru/folklore/sfabul.htm>, № 123].
- ²⁴Самозапись Ани Ротфельд, 14 лет, Санкт-Петербург, 9.10.1982 г. [34. С. 43, № 19].
- ²⁵Зап. от группы детей 10–11 лет, Москва, 2001 г. Соб. А. Анциферова, Е. Гаврилина [35. С. 388, № 129].
- ²⁶Зап. от Нуриевой Алины, 14 лет, г. Ижевск, 2002 г. Соб. А. Мутина [12. С. 331, № 1033].
- ²⁷При бесспорном соответствии оригинальной форме, мы называем их именно пародиями, а не антистрашилками, так как, судя по завуалированным в них темам и реалиям, велика вероятность, что они созданы не детьми и не подростками, и даже не для детей и подростков.
- ²⁸TaniatheMonster от 29-12-2016, 01:33 [39, URL: <http://www.strashilka.com/video/35414-ne-smotri-etot-kanal.html>].
- ²⁹Сетература = сетевая литература.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М. : Лабиринт, 2002. 224 с.
2. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор : учеб. М. : Флинта; Наука, 1998. 400 с.
3. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. : Питер, 1999. 288 с.
4. Осорина М.В. «Черная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание – сила. 1986. № 10. С. 43–52.
5. Лойтер С.М. Детские страшные истории («страшилки») // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. М. : Ладомир, ООО «Изд-во АСТ - ЛТД», 1998. С. 56–134.
6. Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск : КГПУ, 2001. 296 с.
7. Шевцов В.А. О принципах структурно-семантического описания детских «страшных рассказов» // Материалы Международной фольклорной научной конференции «XII Виноградские чтения». Н. Новгород, 2002. С. 62–79.
8. Шевцов В.А. Страшный детский повествовательный фольклор: жанры и тексты // Детский фольклор и культура детства : материалы науч. конф.: «XIII Виноградские чтения (31 июня – 4 июля 2003 г.)» / ред.-сост. Е.В. Кулешов, М.Л. Лурье. СПб., 2006. С. 43–64.
9. Шевцов В.А. Страшилки // Фольклорный архив Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. URL: <http://www.unn.ru/folklore/fstrash.htm> (дата обращения: 05.08.2018).
10. Коршунков В.А. Современные детские анекдоты, страшилки и садистские стишки Вятского края: Энциклопедия земли Вятской / сост. В.А. Поздеев. Киров : Киров. обл. писательская организация, 1998. Т. 8: Этнография, фольклор. С. 588–597.
11. Мутина А.С. Жанры современного детского фольклора на территории Удмуртии : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 241 с.
12. Мутина А.С. «Катится изюминка...»: Современный русский детский фольклор Удмуртии. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. 592 с.
13. Мутина А.С. Народная несказочная проза и страшные истории с элементами быличек в среде детей // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/mutina1.htm> (дата обращения: 05.08.2018).
14. Рассыхаев А.Н. К вопросу о бытовании некоторых жанров в современном детском фольклоре коми // Фольклористика Коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 136–148.
15. Рассыхаев А.Н. Страшные истории в детской фольклорной прозе Коми (по материалам, записанным в естественных условиях в 2011 и 2013 годах) // Фольклористика коми. Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформации, классическое наследие и современные формы. Сыктывкар, 2016. С. 137–151.
16. Идиатулина А.А. «Нестрашная страшилка» как антижанр в литературе современного детского авангарда // Гуманитарные исследования. № 4 (40). Астрахань : Астрахан. госун-т, 2011. С. 224–228.
17. Климова Т.Ю. Страх как условие познания Абсолюта (В. Маканин «Сюр в пролетарском районе», Л. Петрушевская «Рука», Н. Садур «Синяя рука») // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XIV Междунар. науч.-практ. конф. Бийск, 2009. С. 145–154.
18. Кузьмина М.Ю. Страшное в сказках К. Чуковского // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1995. С. 57–69.
19. Петренко С.Н. Структура мифологического пространства в современном фольклоре и литературе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых (8 февр. 2013 г.): в 2 ч. / под общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, Л.А. Запевалова, А.А. Ширишкова; Уральский федеральный ун-т. Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 108–114.
20. Петренко С.Н. Фольклорные и литературные матрицы в структуре прозаических жанров регионального детского журнала // Филологические науки. Вопросы теории и практики. : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 8 (62), ч. 1. С. 52–54.
21. Рублев К.А. «Страшный фольклор» детей и научная фантастика // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1989. С. 122–133.
22. Рублев К.А., Трыкова О.Ю. Художественная литература и «страшный» детский фольклор (аспекты взаимодействия) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1992. С. 34–48.
23. Селютина Е.А. Роль имплицитных текстов в творчестве В. Дурненкова (на примере пьес «Mutter» и «В черном-черном городе») // Челябинский гуманитарий. Челябинск, 2010. № 4 (13). С. 57–61.
24. Сергиенко (Антипова) И. «Страшные» жанры современной детской литературы (2010) // Детские чтения. Екатеринбург, 2012. Вып. 1. С. 131–147.
25. Трыкова О.Ю. Сказка, быличка, страшилка в отечественной прозе последней трети XX века : учеб. пособие. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. Ушинского, 2000. 301 с.
26. Трыкова О.Ю. Современный детский фольклор и его взаимодействие с художественной литературой. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 1997. 132 с.
27. Трыкова О.Ю. «Страшный» фольклор в русской городской прозе 90-х годов // Проблемы эволюции русской литературы XX в. : материалы межвуз. науч. конф. М., 1995. С. 230–231.
28. Белозубова Н.И., Титова К.А. Жанр «страшной истории» в русской и китайской национальной картине мира // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. Гос. ун-та, 2015. Вып. 10 (1). С. 123–128.

29. Белозубова Н.И., Титова К.А. Изучение детского фольклора на практических занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. № 68. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2015. № 68. С. 184–189.
30. Коновалова Н.И. Ассоциативное поле страшилки в аспекте ее восприятия // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Труды Уральского психолингвистического общества. Екатеринбург, 2003. Вып. I. С. 25–32.
31. Терзиева М.Т. Страшные истории и обучение родному языку в дошкольном возрасте // Гуманитарный вектор. Сер.: Филология, востоковедение. 2012. № 4 (32). С. 280–283.
32. Мельников М.Н. Русский детский фольклор : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1987. 240 с.
33. Зуева Т.В. Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей // Проблемы интерпретации художественных произведений : межвуз. сб. науч. тр. М., 1985. С. 131–149.
34. Топорков А.Л. Пиковая дама в детском фольклоре // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. М. : Ладомир, ООО «Изд-во АСТ - ЛТД», 1998. С. 15–55.
35. Новицкая М.Ю., Райкова И.Н. Детский фольклор. М. : Русская книга, 2002. 560 с.
36. Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня : сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М. : РГГУ, 2008. С. 341–363.
37. Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 48 с.
38. Костюхин Е.А. Репертуар современного школьника // Архивные материалы и экспедиционные записи. Раздел III. Полевая фольклористика: актуальные исследования региональных и локальных традиций. СПб., 1999. С. 163–168.
39. Страшилка. URL: <http://www.strashilka.com/> (дата обращения: 05.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 августа 2018 г.

CHILDREN'S SCARY NARRATIVE FOLKLORE: ON THE GENRE DIVERSITY OF TRADITION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 38–48.

DOI: 10.17223/15617793/436/5

Tatyana A. Mirvoda, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tatanamirvoda@yandex.ru

Keywords: children's folklore; children's scary narrative folklore; children's scary stories; strashilka; pugalka; antistrashilka; antipugalka; children's mythological story (bylichki); stories about evocations; modern folklore.

The aim of this article is to demonstrate the genre diversity of the tradition designated by most scientists as “children's scary stories” or “strashilki”. Therefore, it is relevant to raise the question of the need for a genre distinction of narratives related to this tradition. The presence of a large number of forms, different in poetics and origin, which are attributed to this tradition by researchers, substantiates the need to allocate a self-sufficient area of “children's scary narrative folklore”, along with such functional-semantic segments as “everyday”, “game”, “ritual” and “comic” folklore in the children's folklore. The material of the study is scary stories of children's folklore, collected from archival, scientific and Internet sources and belonging to different genre forms. Based on the results of systematizing the theoretical developments in the works of colleagues on the species of children's scary stories, as well as on the author's own observations of the living tradition (both oral and network) and its comprehensive analysis, the author proposes a universal system of genres and genre varieties of children's scary narrative folklore, covering its most famous and widespread phenomena. At this stage, the system looks like this:

Area: Children's scary narrative folklore (ChSNF)

Genre: Strashilka (scary story)

Genre varieties of Strashilka: “classical” strashilka; strashilka-pugalka (jumpscare); strashilka-bylichka (bailichka)

Some researchers also single out: strashilka-skazka (fairy tale), strashilka-byil' (true story), slukhi-tolki (children's rumors), Internet-strashilki

Genre: Children's mythological story (bylichki)

Genre: Antistrashilka (anti-scary story)

Genre varieties of Antistrashilka: antistrashilka-strashilka; antistrashilka; realistic antistrashilka

Genre: Pugalka (jumpscare story)

Genre varieties of Pugalka: pugalka, strashilka-pugalka

Genre: Antipugalka (anti-jumpscare story)

Genre: “Strange” and “scary” fabulats

Genre: Stories about evocations

The author does not attribute actual evocations and sadistic rhymes to ChSNF (due to their different functional orientation). The list of ChSNF genres is not limited to the above species, but other forms are found less regularly and are practically not investigated, which at the moment makes it impossible to establish the presence or absence of their genre varieties. On the basis of the system of the genres of children's scary narrative folklore stated in this article, it is obvious that the content invested by researchers in the notion “children's scary stories” is much broader and more diverse than is commonly believed in science. In addition, contrary to the existing opinion on the stagnation of the above-mentioned genres of children's folklore, they do not go into oblivion, but, gradually, with the movement of children's leisure to the Internet, they are transferred to a new habitat. In the net, works of children's scary narrative folklore are replicated, acquire new variants and parodies, network literature doubles. They also become a reason and/or material for the emergence of modern scary stories. Therefore, it is no longer possible to use common terms and consider all scary stories that exist among children and teenagers as a single genre formation.

REFERENCES

1. Cherednikova, M.P. (2002) “Golos detstva iz dal'ney dali...” (*Igra, magiya, mif v detskoj kul'ture*) [“The voice of childhood from a far distance” (Game, magic, myth in children's culture)]. Moscow: Labirint.
2. Zueva, T.V. & Kirdan, B.P. (1998) *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Moscow: Flinta; Nauka.
3. Osorina, M.V. (1999) *Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh* [The secret world of children in the world of adults]. St. Petersburg: Piter.
4. Osorina, M.V. (1986) “Chernaya prostynya letit po gorodu”, ili Zachem deti rasskazyvayut strashnye istorii [“A black sheet flies through the city,” or Why children tell scary stories]. *Znanie – sila*. 10. pp. 43–52.

5. Loyter, S.M. (1998) Detskie strashnye istorii ("strashilki") [Children's scary stories ("strashilki")]. In: Belousov, A.F. *Russkiy shkol'nyy fol'klor. Ot "vyzyvaniy" Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian school folklore. From the "evocation" of the Queen of Spades to family stories]. Moscow: Ladomir, OOO "Izd-vo AST-LTD".
6. Loyter, S.M. (2001) *Russkiy detskiy fol'klor i detskaya mifologiya: Issledovanie i teksty* [Russian children's folklore and children's mythology: Research and texts]. Petrozavodsk: KSPU.
7. Shevtsov, V.A. (2002) [On the principles of the structural-semantic description of children's "scary stories"]. *XII Vinogradovskie chteniya* [XII Vinogradov Readings]. Proceedings of the International Folklore Conference. N. Novgorod: Pred-priyatie "Poisk". pp. 62–79. (In Russian).
8. Shevtsov, V.A. (2006) Strashnyy detskiy povestvovatel'nyy fol'klor: zhanry i teksty [Scary children's narrative folklore: genres and texts]. *Detskiy fol'klor i kul'tura detstva. XIII Vinogradovskie chteniya* [Children's folklore and the culture of childhood. XIII Vinogradov Readings]. Proceedings of the Conference. 31 June – 4 July 2003. St. Petersburg: SPbGUKI, pp. 43–64. (In Russian).
9. Folklore Archive of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. Shevtsov, V.A. (n.d.) *Strashilki* [Scary stories]. [Online] Available from: <http://www.unn.ru/folklore/fstrash.htm>. (Accessed: 05.08.2018).
10. Korshunkov, V.A. (1998) *Sovremennye detskie anekdoty, strashilki i sadistskie stizhki Vyatskogo kraya: Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Modern children's jokes, scary stories and sadistic rhymes of the Vyatka region: Encyclopedia of the land of Vyatka]. Vol. 8. Kirov: Kirov. obl. pisatel'skaya organizatsiya.
11. Mutina, A.S. (2002) *Zhanry sovremennogo detskogo fol'klora na territorii Udmurtii* [Genres of modern children's folklore in the territory of Udmurtia]. Philology Cand. Dis. Izhevsk.
12. Mutina, A.S. (2005) "Katitsya izyuminka...": *Sovremennyy russkiy detskiy fol'klor Udmurtii* ["A raisin is rolling": Modern Russian children's folklore of Udmurtia]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
13. Mutina, A.S. (n.d.) *Narodnaya neskazochnaya proza i strashnye istorii s elementami bylichek v srede detey* [Folk non-fairy-tale prose and scary stories with elements of bailichka among children]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/mutina1.htm>. (Accessed: 05.08.2018).
14. Rassykhaev, A.N. (2012) K voprosu o bytovanii nekotorykh zhanrov v sovremennom detskom fol'klore komi [On the existence of some genres in modern Komi children's folklore]. In: Limerov, P.F. (ed.) *Fol'kloristika Komi. Regional'nye fol'klornye traditsii Evropeyskogo Severo-Vostoka i Zaural'ya v mezhhul'turnom kontekste* [Folklor studies of the Komi. Regional folklore traditions of the European Northeast and Trans-Urals in an intercultural context]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History of Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
15. Rassykhaev, A.N. (2016) Strashnye istorii v detskoj fol'klornoy proze Komi (po materialam, zapisannym v estestvennykh usloviyakh v 2011 i 2013 godakh) [Scary stories in the Komi children's folk prose (based on materials recorded in natural conditions in 2011 and 2013)]. In: Krashennikova, Yu.A. et al. (eds) *Fol'kloristika komi. Fol'klornye zhanry Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: dinamika razvitiya, transformatsii, klassicheskoe nasledie i sovremennye formy* [Folklore studies of the Komi. Folklore genres of the European Northeast of Russia: The dynamics of development, transformation, classical heritage and modern forms]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History of Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16. Idiatulina, A.A. (2011) "Nestrashnaya strashilka" kak antizhanr v literature sovremennogo detskogo avangarda ["Non-scary scary story" as an anti-genre in the literature of the modern children's avant-garde]. *Gumanitarnyye issledovaniya*. 4 (40). pp. 224–228.
17. Klimova, T.Yu. (2009) [Fear as a condition of knowledge of the Absolute (V. Makanin "Sur in the Proletarian District", L. Petrushevskaya "The Hand", N. Sadur "The Blue Hand")]. *Khudozhestvennyy tekst: varianty interpretatsii* [Literary Text: Interpretation Options]. Proceedings of the XIV International Conference. Biysk: Biysk State Pedagogical University. pp. 145–154. (In Russian).
18. Kuz'mina, M.Yu. (1995) Strashnoe v skazkakh K. Chukovskogo [The scary in the tales of K. Chukovsky]. In: Neelov, E.M. (ed.) *Problemy detskoj literatury. i fol'klor* [Problems of Children's Literature. and folklore]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
19. Petrenko, S.N. (2013) [The structure of the mythological space in modern folklore and literature]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Topical problems of philological science of the 21st century]. Proceedings of the III All-Russian Conference. 8 February 2013. In 2 parts. Part 2. Ekaterinburg: Ural Federal University. pp. 108–114. (In Russian).
20. Petrenko, S.N. (2016) Folklore and literary matrices in the structure of prosaic genres of the regional children's magazine. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 8 (62):1. pp. 52–54. (In Russian).
21. Rublev, K.A. (1989) "Strashnyy fol'klor" detey i nauchnaya fantastika [The "scary folklore" of children and science fiction]. In: Lupanova, I.P. et al. (eds) *Problemy detskoj literatury* [Problems of children's literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
22. Rublev, K.A. & Trykova, O.Yu. (1992) *Khudozhestvennaya literatura i "strashnyy" detskiy fol'klor (aspekty vzaimodeystviya)* [Fiction and "scary" children's folklore (aspects of interaction)]. In: Neelov, E.M. et al. *Problemy detskoj literatury* [Problems of children's literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
23. Selyutina, E.A. (2010) Rol' implitsitnykh tekstv v tvorchestve V. Durnenkova (na primere p'es "Mutter" i "V chernom-chernom gorode") [The role of implicit texts in the works of V. Durnenkov (on the example of the plays "Mutter" and "In the Black Black City")]. *Chelyabinskiiy gumanitarnyy*. 4 (13). pp. 57–61.
24. Sergienko, I. (2012) "Strashnye" zhanry sovremennoy detskoj literatury (2010) ["Scary" genres of modern children's literature (2010)]. *Detskie chteniya*. 1. pp. 131–147.
25. Trykova, O.Yu. (2000) *Skazka, bylichka, strashilka v otechestvennoy proze posledney treti XX veka* [Fairy tale, bailichka, scary story in the national prose of the last third of the 20th century]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
26. Trykova, O.Yu. (1997) *Sovremennyy detskiy fol'klor i ego vzaimodeystvie s khudozhestvennoy literaturoy* [Modern children's folklore and its interaction with fiction]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
27. Trykova, O.Yu. (1995) "Strashnyy" fol'klor v russkoy gorodskoy proze 90-kh godov ["Scary" folklore in the Russian urban prose of the 1990s]. *Problemy evolyutsii russkoy literatury XX v.* [Problems of the evolution of Russian literature of the twentieth century]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 230–231. (In Russian).
28. Belozubova, N.I. & Titova, K.A. (2015) the genre of scary story in Russian and Chinese national worldview. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 10 (1). pp. 123–128. (In Russian).
29. Belozubova, N.I. & Titova, K.A. (2015) Izuchenie detskogo fol'klora na prakticheskikh zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Study of children's folklore in practical classes in Russian as a foreign language]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki*. 68. pp. 184–189.
30. Konovalova, N.I. (2003) Assotsiativnoe pole strashilki v aspekte ee vospriyatiya [Associative field of scary stories in the aspect of their perception]. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Trudy Ural'skogo psikhologicheskogo obshchestva*. I. pp. 25–32.
31. Terzieva, M.T. (2012) Strashnye istorii i obuchenie rodnomu yazyku v doskol'nom vozraste [Scary stories and learning the native language at preschool age]. *Gumanitarnyy vektor. Ser.: Filologiya, vostokovedenie*. 4 (32). pp. 280–283.
32. Mel'nikov, M.N. (1987) *Russkiy detskiy fol'klor* [Russian children's folklore]. Moscow: Prosveshchenie.
33. Zueva, T.V. (1985) Kategoriya chudesnogo v sovremennom povestvovatel'nom fol'klore detey [The category of the miraculous in the modern narrative folklore of children]. In: Kirdan, B.P. (ed.) *Problemy interpretatsii khudozhestvennykh proizvedeniy* [Problems of the interpretation of works of art]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute.

34. Toporkov, A.L. (1998) *Pikovaya dama v detskom fol'klore* [The Queen of Spades in Children's Folklore]. In: Belousov, A.F. *Russkiy shkol'nyy fol'klor. Ot "vyzyvaniy" Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian school folklore. From the "evocation" of the Queen of Spades to family stories]. Moscow: Ladamir, OOO "Izd-vo AST-LTD".
35. Novitskaya, M.Yu. & Raykova, I.N. (2002) *Detskiy fol'klor* [Children's folklore]. Moscow: Russkaya kniga.
36. Levkievskaya, E.E. (2008) *Bylichka kak rechevoy zhanr* [The bailichka as a speech genre]. In: Arkhipova, A.S. & Gister, M.A. (eds) *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: sb. st. v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoy deyatel'nosti* [Bricks: folklor studies and cultural anthropology today: Collection of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his research activities]. Moscow: RSUH.
37. Levkievskaya, E.E. (2007) *Vostochnoslavianskiy mifologicheskiy tekst: semantika, dialektologiya, pragmatika* [East Slavic mythological text: semantics, dialectology, pragmatics]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.
38. Kostyukhin, E.A. (1999) *Repertuar sovremennogo shkol'nika* [Repertoire of the modern pupil]. In: *Arkhivnye materialy i ekspeditsionnye zapisi. Razdel III. Poleyaya fol'kloristika: aktual'nye issledovaniya regional'nykh i lokal'nykh traditsiy* [Archival materials and expeditionary records. Section III. Field folklore: current studies of regional and local traditions]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 163–168.
39. Strashilka.com. (n.d.) *Strashilka* [Scary story]. [Online] Available from: <http://www.strashilka.com/>. (Accessed: 05.08.2018).

Received: 26 August 2018